

Тётя Цюй, няня, нанятая специально для ухода за Цзян Чжао, заботилась о нём с младенчества. Отец мальчика, Цзян Минцин, отчим Ли Чжи, занимал ответственную должность в военном округе и был вечно занят. Дай Мэнтин, хотя и не обременённая делами, тоже не обладала терпением сидеть дома с ребёнком. Все бытовые мелочи, еда, одежда и прогулки Цзян Чжао были полностью поручены няне.

Вообще, в памяти Ли Чжи сохранились смутные воспоминания, будто в детстве Дай Мэнтин варила ему молоко и помогала с математикой, но всего пару раз. Теперь же, похоже, у неё совсем не осталось желания снова проживать детские годы с Цзян Чжао, и она рано удалилась наверх, чтобы поспать для красоты.

Цзян Чжао моргнул: «Дома».

— Тогда я подогрею тебе молока, а ты пока поболтай с братом. Выпьешь — и сразу чистить зубы, спать, — сказала Дай Юэжань, направляясь на кухню.

— Хорошо, — послушно ответил Цзян Чжао.

Он и Ли Чжи сидели по разные стороны дивана, не обращая друг на друга внимания.

В спокойном состоянии Цзян Чжао был довольно милым, но когда начинал вредничать, становился невыносимым. Он был вылитой Дай Мэнтин, и характер унаследовал тот же.

Однажды, в три года, он тайком пробрался в комнату Ли Чжи на «разведку» и разбил его телескоп. Ли Чжи пользовался им нечасто, но всё равно пришёл в ярость, хотя сделать с малышом ничего не мог.

Цзян Чжао постоянно устраивал подобные пакости — то ли пытаясь привлечь внимание Ли Чжи, то ли просто досаждая ему из-за неприязни. Но перед старшим братом, Цзян Янем, он всегда вёл себя примерно.

Впрочем, винить одного Цзян Чжао было нельзя — отношение Ли Чжи к нему тоже оставляло желать лучшего. Раньше малыш охотно тянулся к Ли Чжи, часто пытался привлечь его внимание, когда тот читал. Ли Чжи присаживался на корточки, смотрел ему прямо в глаза и очень серьёзно уговаривал: «Не приставай ко мне специально, иди лучше к старшему брату или сестре, ладно?»

Дети не злопамятны, но легко обижаются. Постепенно Цзян Чжао перестал искать сближения.

— Старший брат вернулся? — неожиданно спросил Ли Чжи.

Цзян Чжао с недовольством отвернулся:

— Нет!

Цзян Янь был сыном Цзян Минциня от первого брака, на три года старше Ли Чжи. Тот не стремился себя с ним сравнивать, но окружающие взрослые постоянно ставили их рядом.

Ли Чжи не отличался честолюбием и амбициями. Он учился в той же школе, что и Цзян Янь, получал те же награды — не отставал, но и не превосходил, словно просто шёл по уже проторенной дороге. Взрослые считали, что Ли Чжи равняется на Цзян Яня, видя в нём либо пример для подражания, либо главного соперника. Но это было не так. Ли Чжи отдавал себе отчёт, что Цзян Янь уже давно оставил его далеко позади.

Их отношения всегда оставались прохладными. Из-за учёбы и прочих дел они редко пересекались, живя под одной крышей, но почти не общаясь. Цзян Янь не заговаривал с Ли Чжи первым, а тот не лез с пустыми разговорами.

Странно, но даже обычно общительная и бойкая Дай Юэжань с Цзян Янем была не в ладах.

Дай Юэжань — единственная девочка среди ровесников, избалованная до невозможности, с детства своевольная и дерзкая. Во всём дворе не было большей проказницы, да и язычок у неё был остёр — никогда не лезла за словом в карман. Но при встрече с Цзян Янем она сразу же теряла всю свою прыть.

Казалось, Дай Юэжань его побаивалась, старалась обходить стороной, избегала встреч, а уж если сталкивалась — опускала глаза, словно пытаясь втянуть голову в невидимый панцирь. Ли Чжи смеялся над её трусостью, но сам, по правде сказать, немногим от неё отличался.

Тогда Ли Чжи было лет шесть-семь, как раз пора в школу. Его только-только забрал от бабушки с дедушкой дядя Дай Цишань. Однажды во время игры Дай Юэжань, пока Ли Чжи не видел, толкнула его. Хотела просто пошутить, напугать, но не ожидала, что он упадёт и ударится затылком о камень. Резкая боль пронзила голову, Ли Чжи долго не мог подняться. Сам он не заплакал, зато Дай Юэжань заревела так, будто с ней случилось самое страшное горе.

На крик прибежала Дай Мэнтин и, решив, что это Ли Чжи обидел девочку, потребовала объяснений. Он молча стоял, не проронив ни слова. «Да говори же ты!» — рассердилась Дай Мэнтин, видя, что Дай Юэжань рыдает, а Ли Чжи остаётся безучастным. В сердцах она дала ему пощёчину, а сама принялась утешать Дай Юэжань. Подросшая тётя тоже принялась корить Ли Чжи, не разобравшись. Тот так и стоял, безучастно глядя на взрослых.

Плач, брань, причитания и неумолчная музыка из игрушечной машинки — всё это гудело в дворе.

Пока наконец не подошёл Цзян Янь, указал на макушку Ли Чжи и равнодушно бросил: «Кровь».

Только тогда взрослые заметили, что у мальчика рассечена голова, кровь течёт ручьём, заливая лицо, словно красные слёзы. Дай Юэжань заревела ещё громче, сквозь рыдания выкрикивая: «Прости, братик... Прости... я не хотела...»

На глаза Ли Чжи навернулись слёзы. Он опустил голову, вытер их тыльной стороной ладони, а подняв взгляд, мельком увидел, как в уголке губ Цзян Яня, стоявшего поодаль, дрогнула короткая, насмешливая ухмылка.

— Ну что за ребёнок такой непослушный! — тётя замахнулась на Дай Юэжань, но Дай Мэнтин тут же остановила: «Не вини Юэжань, не вини! Дети же, всякое бывает».

Его повели в больницу, наложили на голову шесть швов. Рана зажила, но шрам так и остался.

С тех пор Дай Юэжань стала ходить за Ли Чжи по пятам, отдавала ему все свои сладости и, куда бы он ни пошёл, осторожно следовала следом, как неотвязный хвостик.

Ли Чжи не держал на неё зла и старался не вспоминать тот случай, но странное дело — насмешливая усмешка Цзян Яня ещё долго стояла у него перед глазами.

Ли Чжи разбудили доносившиеся издали, давно неслышные звуки утренней строевой

подготовки. Рассветало, сквозь шторы пробивался свет, в окне виднелись смутные очертания деревьев. Он поднялся, умылся в ванной и, выйдя в коридор, столкнулся с кем-то грудью.

В коридоре свет не горел, лишь слабый рассветный свет струился из окна. Ли Чжи подошёл ближе, разглядел человека и тихо выдохнул: «Напугал».

Перед ним стоял высокий, широкоплечий мужчина, небрежно прислонившийся к подоконнику с сигаретой в руке. «Сам меня напугал», — равнодушно отозвался Цзян Янь, бросив на него беглый взгляд и отведя глаза. На испуганного он ни капли не походил.

Волосы Цзян Яня были влажными, от него пахло гелем для душа — похоже, только что принял душ. Ли Чжи знал, что в это время тот обычно возвращался с утренней пробежки. Этой его чертой Ли Чжи всегда восхищался: Цзян Янь вставал ровно в половине шестого, бегал, читал, завтракал — и так даже на каникулах, живя по распорядку, немыслимому для обычного человека.

— Когда вернулся? — спросил Цзян Янь, глядя в окно пустым, несфокусированным взглядом.

— Вчера вечером, часов в одиннадцать, — чётко ответил Ли Чжи.

Цзян Янь, зажав сигарету в зубах, кивнул и выпустил дымное кольцо. Дым медленно расплылся в воздухе.

— Дай Юэжань тоже приехала?

— Да, — ответил Ли Чжи, удивлённый его интересом. Хотя, возможно, это была просто попытка поддержать разговор.

На этом тема иссякла. Цзян Янь, прислонившись к стене, прищурился: «Куришь?»

Ли Чжи помедлил: «Давай одну». С утра — самое то, чтобы взбодриться.

Цзян Янь стряхнул пепел, достал из чёрной пачки ещё одну сигарету и протянул Ли Чжи. Он курил ту же марку, что и раньше, — привычка не менялась. Здесь, недалеко от России, Цзян Янь просил друзей из Москвы привозить ему сигареты. Ли Чжи пробовал их несколько раз, но они ему никогда не нравились — дым слишком густой, едкий, дерет горло.

Взяв сигарету, Ли Чжи поймал брошенную ему Цзян Янем зажигалку. И вдруг перед глазами неожиданно всплыл давний образ.

Как-то раз Дай Юэжань вбежала к Ли Чжи в возбуждении: она видела, как Цзян Янь курит в подземном гараже! Говорила, наконец-то нашла на него компромат, и обязательно расскажет обо всём Цзян Минциню. Дай Юэжань то и дело жаловалась Ли Чжи на Цзян Яня: то он с кем-то подрался, то через забор перелез, то с девушкой обнимается. Ли Чжи казалось, что Цзян Янь в её рассказах и Цзян Янь в жизни — два совершенно разных человека. Он не понимал, откуда в ней столько неприязни. Пусть они не кровные родственники, но всё же брат и сестра по названию — к чему такая вражда? Ли Чжи собирался как-нибудь поговорить с ней об этом, но, видя, что она так и не пошла ябедничать, махнул рукой.